

А. Зорницкий, Житомирский государственный университет
им. Ивана Франко, avaramira@yandex.ru

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ТЕКСТАХ И. МАНГЕРА И ИХ ОТОБРАЖЕНИЕ В НАЛИЧЕСТВУЮЩИХ ЛЕКСИКО- ГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ¹

Резюме. В статье осуществляется попытка комплексной дескрипции ряда малоупотребительных слов и выражений, встречающихся в текстах классика еврейской литературы Ицика Мангера, но не зарегистрированных в имеющихся словарях языка идиш. Рассматриваемые лексические единицы чаще всего представляют собой заимствования из западноукраинских народных говоров, а также из немецкого, польского и русского языков. Утверждается, что в ряде случаев анализируемые тексты содержат отдельные слова или выражения, могущие с высокой степенью вероятности рассматриваться как региональные и требующие отдельного изучения.

Ключевые слова: язык идиш, И. Мангер, «Детство в Коломые», «Удивительные приключения Шмуэл-Абы Аберво (Книга рая)», заимствованные словарные единицы, лексикография идиш.

Andrii Zornytskyi, Ivan Franko Zhytomyr State University,

BORROWED LEXICAL UNITS IN TEXTS BY I. MANGER AND THEIR REFLECTION IN AVAILABLE LEXICOGRAPHIC SOURCES

Abstract. The paper attempts a complex description of certain rarely used words and expressions employed in the texts of the classical Yiddish novelist Itsik Manger and yet unregistered in available dictionaries of the Yiddish language. The lexical

¹ Настоящая публикация была подготовлена при поддержке ассоциации 'Jewish Galicia and Bukovina' Jerusalem

units under consideration most often present borrowings from several Western Ukrainian patois as well as from German, Polish, and Russian. It is maintained that in a number of cases the analyzed texts contain certain words and expressions which can, with a high degree of probability, be viewed as regionalisms, thus demanding separate consideration.

Keywords: the Yiddish language, I. Manger, “My Childhood in Kolomey,” “The Wonderful Adventures of Shmuel-Aba Abervo (The Book of Paradise),” borrowings, Yiddish lexicography.

Вполне очевидно, что проблема паспортизации словарного состава всякого — или, как минимум, всякого живого и потому постоянно обновляющегося — языка относится к разряду постоянно открытых проблем современной лингвистики. Однако, в случае с изучением идиша подобная естественно складывающаяся ситуация имеет вполне отчетливую специфику: ведь даже если рассматривать идиш как живой язык, на чем мы всячески настаиваем, не вызывает сомнения тот факт, что огромное большинство проникающих в него заимствований представляет собой или интернациональную лексику, или же, наоборот, слова-реалии — ввиду особенностей лингвистической географии современного идиша, чаще всего английские или ивритские. Паспортизация подобной лексики в целом не может вызывать особых сложностей, кроме привнесенных вечной борьбой между «пуристами» и «прагматиками». Вместе с тем, огромный пласт *исторической* лексики идиша, некогда безусловно входившего в число наиболее распространенных языков планеты, оказался полностью или частично утрачен как по причине широко известных трагических событий Второй мировой войны, так и ввиду объективных или субъективных факторов языковой политики государств, в которых в основном проживали уцелевшие в Холокосте носители этого языка. Таким образом, фокус внимания лексикографов, занимающихся идишем, оказывается несколько смещен: поскольку естественное течение процессов устаревания и обновления лексического состава языка было насильственным образом нарушено, необходимы целенаправленные усилия по восстановлению особенностей денотативного и коннотативного значения, вероятной этимологии и иных лексикографических параметров многих словарных единиц (в особенности характерных для различных *диалектов* и *социолектов* идиша), аналоги которых в других европейских языках сопоставимой распространенности все еще употребительны или, во всяком случае, прекрасно задокументированы. В частности, при чтении оригинальных текстов практически любого идишского классика даже подготовленный читатель или переводчик, особенно не владеющий славянскими языками, неизбежно сталкивается с рядом «темных мест», не всегда в достаточной мере понимая значение использованных автором

слов или выражений и не обнаруживая их в наличествующих лексикографических источниках, что со всей очевидностью подталкивает к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования последних.

Исходя из вышесказанного, целью данной статьи является комплексное описание слов и выражений, представленных в текстах известного писателя-идишиста Ицика Мангера — а именно в цикле автобиографических зарисовок под общим названием «Kinder-yorn in Kolomey» («Детство в Коломые») и в романе «Di vunderlekhe lebns-bashraybung fun Shmuel-Abe Abervo (Dos bukh fun Gan-Eydn)» («Удивительные приключения Шмуэл-Абы Аберво (Книга рая)») — и не зарегистрированных (или же неточно, неполно зарегистрированных) в наиболее объемных и авторитетных словарях языка идиш. При этом объектом исследования является широкий спектр лексикологических характеристик выделяемых словарных единиц, а предметом исследования — собственно лексикографические параметры последних. При проведении исследования нами использовались словари С. Бейнфельда и Г. Бохнера, А. Гаркави, У. Вайнрайха, А. Солдатова, Б. Вайнבלата, Д. Тищенко, а также иные, вспомогательные источники. В ряде случаев мы также обращаемся к русскоязычному переводу «Книги рая», выполненному И. Булатовским и В. Дымшицем.

Интересно отметить, что в тематическом отношении, несмотря на известную разнородность анализируемых текстов, большинство рассматриваемых лексем демонстрируют очевидную связь с повседневной жизнью галицийско-буковинской разновидности традиционного еврейского местечка, являясь, таким образом, своеобразной лингвистической иллюстрацией той еврейской «истории повседневности», которая реконструируется автором по памяти в первом тексте и художественно моделируется — во втором. По результатам проведенного анализа, представим ниже следующий перечень интересующих нас словарных единиц, сопровождая необходимыми комментариями и пояснениями значение, вероятную этимологию, особенности употребления и т. п. каждой из составляющих. По техническим причинам иллюстративные примеры приводятся в латинской транслитерации.

Пожалуй, наиболее сложную для понимания подгруппу заимствований составляют лексемы, тематически сопряженные — с большей или меньшей степенью отдаленности — с различными аспектами сельскохозяйственной деятельности. В частности, уже на первых страницах «Kinder-yorn in Kolomey», где автор повествует о своей детской мечте купить настоящий кнут, чтобы с его помощью заставить свою ленивую «лошадь» (садовую скамью) все-таки сдвинуться с места, читаем:

i. «Ober on a baytsh hot di gortnbank zikh nisht gevolt rim funem ort. Vifl ikh hob zi nisht geyogt un getribn, iz zi geshtanen vi nisht zi meynt men. Ale “heshtos” un ale “vyos” zaynen geven vi aroysgevorfen²» [Manger 1970: 25].

Далее в тексте встречаем еще один пример употребления интересующей нас лексемы:

ii. «Er yogt di ferd mit a “heshto” un a “vyo” gikher, gikher aheym keyn Stoptshet³» [Manger 1970: 58]

Из двух упомянутых междометий, снабженных общим объяснительным примечанием «oysrufen tsu (traybn) ferd» [Manger 1970: 25], лишь второе представлено в словарях со значением ‘Но! (возглас при понукании лошади)’, ‘Giddy-up!’, тогда как первое, насколько нам удалось выяснить, отсутствует не только в словарях идиша, но и в словарях других сколь-либо распространенных на интересующей нас территории языков.

К приведенным примерам примыкает еще один, заимствованный из того же текста и содержащий сходное междометие — **atsyu**, также не зафиксированное в каких-либо словарях:

iii. «Iz take tomid gelegen in der blote a groyser feter khazer. Er hot gekhruket fun fargenign un s’iz im geven shver avekstraybn. Vifl di vayber zoln nisht geven shrayen tsu im “atsyu”, hot der khazer zikh gemakht vi nisht im meynt men es⁴» [Manger 1970: 54–55].

Как в первом, так и во втором случае наиболее вероятным источником приведенных заимствований стали западноукраинские народные говоры, в которых встречаем *віста!* / *вішта!* — ‘возглас, используемый для того, чтобы заставить запряженных лошадей повернуть влево или пойти прямо’ [Guivaniuk 2001: 103] (ср. *гамтя!* / *гамтю!* — для поворота вправо или понукания), а также *ацю!* — ‘возглас, используемый чтобы отогнать свинью’ [Guivaniuk 2001: 103].

Из них же, на наш взгляд, заимствовано и междометие **mitsi** — ‘кис-кис’ (ср. укр. диал. *миць - миць!* / *миць - миць!*) [Guivaniuk 2001: 103]:

² ‘Но без кнута садовая скамья никак не хотела трогаться с места. Сколько ни погонял я ее, сколько ни понукал, а она стояла, словно не к ней обращаются. Все мои «но» и «пошла» были ей как горох об стенку’ (здесь и далее перевод с идиша наш. — А. З.).

³ ‘Но, пошли!’ — покрикивает он на лошадей, и скорей, скорей домой, в Стопчатов’. Ср. также строфу из известного стихотворения И. Мангера «Der shnayder-gezeln Note Manger zingt fun der goldener pave»: «Un ot iz Kroke mit Lemberik / Un ot iz Kolomey / Der kayzer knakt mitn baytsh! / “Heshto, vyo un hey!”» [Manger, digital resource], где, наряду с двумя вышеупомянутыми междометиями, встречаем и третье с тем же значением.

⁴ ‘Ну а в луже этой всегда лежал большой толстый боров. Он похрюкивал от удовольствия и прогнать его оттуда было непросто. Сколько бы ни кричали женщины: «Поди прочь! Брысь!», а боров лежал себе как ни в чем не бывало’.

iv. «Afn fenster hot zikh gevaremt undzer kats.

— **Mitsi! Mitsi!** — hob ikh gerufen di kats. Zi iz aropgeshrungen fun fenster un arayn tsu mir in vigl⁵) [Manger 1939: 151].

Еще одной выразительно «сельскохозяйственной» лексемой из числа употребляемых Мангером является **krase**, встречающаяся в «Книге рая», но не зафиксированная в словарях идиша:

v. «Ven mir zenen aroys fun tsvishn di beymer, hobn mir nor gezen, vi der Shorabor lekt eyne fun zayne ploynestes, di kheynevdiike **krase** mitn shvartsn flek afn shtern» [Manger 1939: 228].

В русскоязычном переводе этого текста читаем: «Когда мы вышли из роши, Шорабор еще облизывал одну из своих благоверных, корову-красу с черной звездочкой на лбу» [Мангер 2008], где идишская лексема *krase*, по-видимому, интерпретирована переводчиками как заимствованный русский поэтизм *краса* (ср. *женская краса*, *девица-краса* и т. п.). Некоторую настороженность, однако, вызывает то обстоятельство, что при таком понимании значения анализируемой лексемы словосочетание «а *kheynevdiike krase*» становится в значительной степени тавтологическим (досл. «милая / прелестная / симпатичная краса(вица)»), чем, надо полагать, и объясняется изъятие первого компонента при переводе. Строго говоря, своеобразная «межъязыковая тавтология» играет определенную роль в идишском словообразовании и синтаксисе (ср., в частности, имена собственные *Dov-Ber*, *Ague-Leyb* и проч.), но лишь в составе давно устоявшихся лексических единиц. И кроме того, для экспликации значения ‘красивая женщина, красotka’ в идише используется русская же лексема *krasavitse*, широко представленная в словарях.

На наш взгляд, ключ к пониманию точного значения рассматриваемой лексической единицы следует искать исходя из того, что перед нами не существительное, а субстантивированно употребленное прилагательное (ср. *shvarts(er)* — ‘черный’ и *shvartser* — ‘негр’, *shtark(er)* — ‘сильный’, *shtarker* — ‘силач’, в том числе и у Мангера: «*Zay nor nisht keyn shtarker, Pisherl⁶*») [Manger 1939: 113]. При такой постановке вопроса, наиболее вероятным источником анализируемого заимствования представляется украинский диалектизм *красий* (форма женского рода — *краса*) со значениями ‘разноцветный, пестрый’ и ‘пегий, пестрый, рябой (о масти животных)’, вполне согласующийся как с лексико-грамматическими, так и с собственно контекстуальными параметрами анализируемого случая

⁵ ‘На подоконнике грелась наша кошка. «Кис-кис-кис», — подозвал я ее. Кошка прыгнула с подоконника и забралась ко мне в колыбельку’. В упоминавшемся выше русскоязычном переводе «Книги рая» идишское *mitsi* ошибочно осмыслено как имя собственное: «— Мици, Мици! — позвал я кошку» [Мангер 2008].

⁶ ‘Ты не очень-то хорохорься (поумерь свой пыл), Пишерл’.

словоупотребления — «...хорошенькую коровку-пеструху *с черной звездочкой на лбу*».

Помимо вышеприведенных примеров, значительный интерес представляют лексические единицы, обозначающие широкий перечень предметов и явлений повседневной жизни. Таковы, в частности, лексемы, обозначающие физические особенности человека, — **tsumruzhen**, **kaprave** и **karshеле**. В «Книге рая» читаем:

vi. «Tsum bestn iz mir gefeln der rov. A kleyn, moger yidl mit a langer, vayser bord, mit tsiterdike hent un mit a gutn shmeykhl in di **tsumemruzhetе**, **kaprave** oygn» [Manger 1939: 51].

И, соответственно:

vii. «Nebn im iz gezesn a yung meydл mit shvartse gekroyzte hor. Zi hot gehat a **karshеле** af der linker bak⁷» [Manger 1939: 105].

Если в последнем случае этимология анализируемой словарной единицы довольно очевидна (ср. идиш. *karsh* — ‘вишня’, ‘черешня’, где *karshеле* — уменьшительно-ласкательная форма, сопровождающаяся метафорической переинтерпретацией значения), а потому следует лишь с сожалением констатировать ее отсутствие в словарях, то лексемы, упомянутые в первом примере, вполне могут вызвать затруднение у современного читателя. В русском издании предлагается следующий перевод: «Больше всего мне понравился раввин, маленький, тощий человечек с длинной белой бородой, дрожащими руками и доброй улыбкой в прищуренных, слезящихся глазках» [Мангер 2008]. Имеющий украинское происхождение и вполне удачно переведенный глагол (*tsu*)*mruzhen* (ср. *мружити* — ‘жмурить’) — вероятно, диалектизм, тогда как в состав нормативного идиша вошел соответствующий русский глагол (ср. приводимые в словаре Б. Вайнבלата глаголы *tsuzhmuren* — ‘прижмуривать’, *farzhmuren* — ‘зажмуривать’ и т. п.). Логика же перевода прилагательного *kaprave* как «слезящиеся» не вполне очевидна (возможно, переводчики усматривали в нем некое производное от глагола *карен* — ‘капать’), хотя и, казалось бы, вполне оправдана контекстуально. На наш взгляд, такой вариант перевода близок к правильному, но все же, строго говоря, неверен. Лексему *каравае* уместнее рассматривать как еще одно украинское заимствование, *каправий*, имеющее предельно узкое и идеально подходящее по контексту значение ‘гноющийся (о глазах)’ (ср. тж. *каправокий* — (редк.) ‘имеющий гноящиеся глаза’, а также *капрувати* — (диал.) ‘гноиться (о глазах)’).

Выразительной галицийско-буковинской реалией, упоминаемой в автобиографических зарисовках Мангера, является **gratser**⁸ (по-види-

⁷ ‘Возле него сидела молодая девушка с черными завитыми волосами и родинкой на левой щеке’.

⁸ Данную лексему интересно сопоставить с еще одной галицийско-буковинской

тому, искаженное нем. Kreuzer — ‘крейцер (мелкая разменная монета в Германии, Австро-Венгрии и некоторых других странах Западной Европы, бывшая в обращении до конца XIX века)’:

viii. «A por gratser fardinst iz oykh geven a tsushtayer tsu der hetsoe. Dem zeydns shvere horevanie iz, vayzt-oys, nisht geven genug⁹» [Manger 1970: 50].

Не менее интересны германизмы **tupele** и **shprekherin**, упоминающиеся в «Книге рая» и «Детстве в Коломые» соответственно. В первом из них, полностью отсутствующем в словарях, мы склонны усматривать нем. Turpf / Tüpfel — ‘капля, крапинка’, что согласуется с контекстом, а также подтверждается употреблением синонима pintele для описания того же денотата далее в тексте:

ix. «Di mansbiln hobn getrogn royte, terkishe mitslekh un di nekeyve a bloy kleydl mit royte tupelekh¹⁰» [Manger 1939: 262].

И, соответственно:

x. «Mir zenen nokhgefloygn der nekeyve mit der poyk. Bavundert ir mansbilish kol un ir bloy kleydl mit di royte pintelekh¹¹» [Manger 1939: 264].

Что касается второй лексемы, то она приводится в идиш-английском словаре А. Гаркави со значением ‘female charmer, conjurers’ (т. е. ‘чаровница, оболстительница; кудесница’, от глагола shprekhn — ‘to charm, to conjure’ (‘очаровывать; колдовать’)), явно не соответствующим контексту. В словаре же Б. Вайнבלата глагол shprekhn приводится с заметно отличающимися значениями ‘говорить’ и ‘заговаривать (от «дурного глаза»’), однако существительное shprekherin отсутствует. На наш взгляд, в двух вышеупомянутых словарях зафиксированы различные оттенки в целом

реалией, ganish, которую мы также склонны были отождествлять с крейцером в одной из предыдущих публикаций. Проблема, связанная с размежевания значений обеих лексических единиц, является достаточно сложной, поскольку наличествующие примеры их употребления крайне противоречивы. На сегодняшний день, вопреки ранее высказанному предположению, мы склонны отождествлять ganish, особенно в форме geupnish, с гульденом (нем. Rheinischer Gulden, укр. *ринський*), а gratser — с крейцером. Аналогичного мнения придерживается и автор примечаний к исследуемому тексту.

⁹ ‘Пара крейцеров заработка тоже были подспорьем в хозяйстве. Денег, добываемых тяжким трудом деда, на жизнь, по-видимому, не хватало’.

¹⁰ ‘Мужчины носили красные турецкие фески, а женщина была в голубом платьице в красный горошек’. В широко известном русско-еврейском (идиш) словаре М. А. Шапиро в качестве единственного эквивалента русск. *горошек* в значении ‘крапчатый узор на ткани’ предлагается shprenkelekh. Возможно, авторское tupelekh как-то уточняет конкретную разновидность такого узора (ср. русск. *в горошек* и *в крапинку*, где, в первом случае, точки, составляющие узор, мыслятся как более крупные и расположенные на большем отдалении одна от другой), что подтверждается употреблением синонима pintelekh, а не shprenkelekh.

¹¹ ‘Мы полетели за женщиной с барабаном, дивясь ее мужскому голосу и голубому платью в красную крапинку’.

довольно разветвленного значения анализируемого глагола, всю номенклатуру которых можно представить следующим образом: значение ‘говорить’, не имеющее сколько-либо значительного распространения в идише, уместнее указать в качестве т. н. этимологического, т. е. основного для языка, из которого заимствуется соответствующая словарная единица, но отсутствующего в языке, осуществляющем акт заимствования (ср. нем. *sprechen* — ‘говорить’, но идиш. *redn*, *zogn* и *shmuessn* с тем же значением). Мы склонны полагать, что глагол *shprekhn* был в свое время заимствован из немецкого языка именно для обозначения «неправильного», запрещенного «разговора» — «разговора» с потусторонними силами, духами, т. е. колдовства. В дальнейшем же из основного значения ‘заниматься магией, колдовать’ развились переносные значения ‘околдовывать, очаровывать (*используя слова, интонацию и природный магнетизм осуществлять влияние на людей, манипулировать ими*)’ а также ‘заниматься знахарством, нетрадиционной медициной (*особенно используя заговоры, заклинания, апокрифические молитвы и проч.*)’. В русском и украинском языках сходное значение имеют глаголы, соответственно, *шептать* и *шептати*, производными от которых являются существительные *шептунья* и *(баба-)шептуха / шептунка*, — аналоги идишского *shprekherin*, которое, возвращаясь к словарю А. Гаркави, следует перевести на английский как *wise woman*, *sorceress* или, не одобрительно, *quack*. Как нам представляется, именно это значение и зафиксировано в соответствующем фрагменте текста Мангера, где повествуется о том, как для лечения будущего писателя, сильно испугавшегося случайно опоенного водкой гуся, пришлось прибегнуть к помощи знахарки:

xi. «*Ven der shikerer goner hot mikh derzen, hot er oysgetsoygn dem haldz un zikh gegeben a loz tsu mir mitn shnobl. Ikh hob zikh shtark dershrokkn. Di mume Mayke hot im ongehapt ba di figlen. Ikh bin geshtanen un getsitert, blas fun shrek. Tsu bislekh hot men di shikere gendz arayngetrogn in shtol. Der goner hot nokh gemakht farsheydene kuntsn biz oykh er hot zikh ayngeshtilt. Tsu mir hot di bobbe gerufn a shprekherin, zi zol mir opshprekhn. Zi hot gegosn vaks, vos hot gehat di geshtalt funem goner*¹²» [Manger 1970: 57].

При этом также интересно отметить практически полную идентичность внутренней формы и управления используемого автором глагола («*zi zol mir opshprekhn*») и украинского *відшпінтувати (комусь)*.

¹² ‘Едва охмелевший гусак заметил меня, он тут же вытянул шею, пытаясь ущипнуть. Я сильно перепугался. Тетя Майка схватила его за крылья. Я стоял и дрожал мелкой дрожью, весь белый от ужаса. Наконец пьяных гусей загнали-таки в хлев. Гусак еще откалывал всевозможные номера, но наконец затих и он. Бабка послала за знахаркой, чтобы та мне пошептала. Ведунья вылила воск, по форме походивший на гуся’.

Происхождение и значение также не зафиксированной в словарях лексемы **rinek** (ср. нормативное идиш. mark — ‘рынок’) представляются, наоборот, вполне прозрачными:

xii. «Dos rov hot men gekent im trefn afn rinek¹³» [Manger 1970: 32].

Значительный интерес представляют также лексемы, которые мы склонны рассматривать в качестве современных автору идишских сленгизмов. Большинство из них представлены в речи Шимен-Бера, ангела-пияницы, постоянно обвиняемого окружающими в неподобающем, «гойском» поведении. Нееврейский облик Шимен-Бера подчеркивается автором стилистически: этот персонаж часто употребляет слова русского происхождения, тематически сопряженные с жизнью социальных низов. Таковы, в частности, лексемы **sterve** (в словаре А. Гаркави упоминается со значениями ‘падаль’ и ‘туша’, англ. carrion, carcass, ср. укр. *стерво*, тогда как фактический контекст употребления данной словарной единицы явно указывает на значение ‘вздорная и сварливая женщина, стерва’, англ. bitch):

xiii. «— Ikh zol azoy zayn gezunt mit dir ineynem, — hot zikh Shimen Ber geshvirm farn lamtern, — nokh haynt get ikh zi op, di **sterve** mayne, un teykef nokhn get shtet ikh mit dir a khupe¹⁴» [Manger 1939: 242];

zeks un nayntsiker — ‘спирт’ и **sorokovke** — ‘водка’, где в качестве мотивационного признака используется указание на крепость напитка¹⁵:

xiv. «— Vos toyg aykh der Shorabor, tsadikim? Ir darft a beheyme, ot hot ir. Ikh gib zi aykh avek far eyn fleshl zeks un nayntsiker. ... A sorokovke, tsadikim, un di beheyme iz ayere¹⁶» [Manger 1939: 190].

nakhalik (данная лексема, с одной стороны, упоминается, в частности, в словаре В. Даля как синоним русск. *нахал* — ‘наглый и бесстыжий человек’, а также, с другой стороны, фигурирует в составе аутентичного идишского антропонима Урке Нахальник — кличке Ицхака Фарберовича, реального преступника и персонажа одноименной новеллы Авра-

¹³ ‘В основном его можно было встретить на рынке’.

¹⁴ ‘— Да не сойти мне с этого места! — клялся Шимен-Бер фонарю, — Сегодня же развожусь со своей стервой — и тут же с тобой свадьбу сыграем!’

¹⁵ Ввиду того, что крепость конкретных разновидностей водки могла существенно разниться, данный мотивационный признак, надо полагать, играл довольно значительную роль при номинации — ср. примеры русских сленгизмов, возникших приблизительно в то же время: «В Москве событие — выпустили 30° водку, которую публика с полным основанием назвала «рыковкой». Отличается она от царской водки тем, что на десять градусов она слабее, хуже на вкус и в четыре раза ее дороже. ... Водку называют «Рыковка» и «Полурыковка». «Полурыковка» потому, что она в 30°, а сам Рыков (горький пьяница) пьет в 60°» [Булгаков 2004: 92 - 102].

¹⁶ ‘И на кой вам, праведники, этот самый Шорабор? Вам скотина нужна — так берите эту. Отдам за бутылку спирта... Ну, так и быть, поллитровку сорокаградусной поставьте — и скотина ваша’.

ама Карпиновича [Берман], что позволяет предположить формирование у данной лексической единицы — надо полагать, уже после ее заимствования идишем — неких специфически уголовных оттенков денотативного или коннотативного значения):

xv. «— A ganev, hostu gezogt, — hot Shimen-Ber geshrign, — a nakhalnik? Ikh vel dir tsebrekhn di fligl, du mamzer du... du¹⁷...» [Manger 1939: 278]

а также, возможно, окказиональное выражение **dimentlekh in halz hobn** — ‘досл. «иметь бриллианты в горле» (*о человеке, умеющем много выпить*)’, ср. одно из значений русск. *луженая глотка*:

xvi. «Di gantse nakht hobn di terkn mit der nekeyve geshikert in shenk “Tsum tsadik Noyekh”. Afile Shimen-Ber hot gemuzt moyde zayn, az di kuntsn-makhers hobn “dimentlekh in halz” un az zey kenen makhn a koys¹⁸» [Manger 1939: 264].

Еще одну лексему такого типа, **klebanie**, на этот раз входящую в состав своеобразного «городского сленга», находим в воспоминаниях И. Мангера:

xvii. «Ikh hob gevust, az mayn tate hot lib tsu gramen, ober dos, vos er hot improvizirt yenem ovnt, iz geven epes mer, a sakh mer vi gramshtram. Dos iz geven a vide un a veytik, an alkhet un a protest; a dermonen di eygene yugnt zayne vos iz ufgegangen in a kleyn mizrekh-galitsish shetele, vos hot gehat a mark, vu khazeyrim hobn zikh gekvikt in blote, vi yidn in merkhets; vegn a “**klebanie**”, vu yungvarg hot geshpatsirt in di ovntn; vegn frume yidn un frumakes; vegn a yid a frumak, a protsentnik un a shnayderl a hoyker, vos beydn iz geven bashert tsu shpilm a detsidirndike role in zayn lebn¹⁹» [Manger 1970: 39].

В украинском языке слово *клебанія* имеет единственное значение ‘усадыба священника (*особ. католического*)’ (ср. польск. *plebania* с тем же семантическим наполнением), тогда как в анализируемом тексте данное словоупотребление снабжено примечанием — неизвестно, автор-

¹⁷ ‘Это я — вор, — закричал Шимен-Бер, — это по мне, говоришь, тюрьма плачет?! Да я тебе, недоноску, крылья переломаю. Ах ты ублюдок... ах ты...’

¹⁸ ‘А турки и турчанка всю ночь пропьянствовали в шинке «У праведника Ноя». Даже Шимен-Бер вынужден был признать, что пить эти фокусники горазды и глотки у них луженые’.

¹⁹ ‘Я знал, что отец любит рифмоплетствовать, но в тот вечер его стихотворные экспромты были чем-то большим, куда большим, чем обычные вирши. В них слышались боль, протест и покаянные молитвы, воспоминания о собственной юности, начавшейся в маленьком западногалицийском местечке, на рынке которого свиньи блаженствовали в грязи, как евреи в бане; о «клебании», где по вечерам прогуливалась молодежь; о набожных евреях и лицемерных святошах, о ханже-процентщике и горбуне-портном, каждому из которых суждено было сыграть решающую роль в его жизни’.

ским или редакторским — «аллея (*где чувствуется особая, интимная атмосфера*)», которое вполне убедительно соотносится с контекстом. Ввиду скудности имеющегося иллюстративного материала, проследить всю мотивационную цепочку, приведшую к наблюдаемому изменению оригинального значения лексемы *klebanie*, не представляется возможным. В его основе могли лежать как простая метонимия, так и своеобразный комический эффект.

Кроме того, в двух случаях читатель сталкивается с лексемами, которые мы склонны рассматривать как идишские экзотизмы — словарные единицы, описывающие явно далекие от повседневной еврейской жизни понятия и заимствованные из соответствующего языка специально для экспликации последних. В частности, отсутствующая в словарях лексема **gotzeliik** явно представляет собой заимствованное немецкое *gottselig* — ‘благочестивый, набожный’, а ее приблизительное значение без особого труда выводимо из внутренней формы и контекста:

xviii. «Der kaizer fartrakht zikh:

— Ya, ya; ot di mit di lange hor, mit di tsefloygene kravatn hobn dershtokhn mayn gotzeliike kaizerin Elizabet²⁰» [Manger 1970: 66].

Для понимания же всех контекстуально обусловленных оттенков значения экзотизма **derde** читателю, напротив, необходимо заранее знать его словарное значение, что является нелегкой задачей ввиду представленности данной лексемы (в словарях А. Гаркави и С. Бейнфельда — Г. Бохнера) лишь с крайне размытым значением ‘a game of cards, kind of card game’:

xix. «Di dray borvese pastukher, vos hobn im gehitn, hobn geshpilt a derde» [Manger 1939: 158].

Именно подобная расплывчатость семантики, надо полагать, подтолкнула переводчиков использовать в качестве эквивалента идишского *derde* русское *дурак* («Три босоногих пастуха, сторожившие его, играли в дурака») [Мангер 2008], что можно считать приемлемым, но все же, на наш взгляд, не совсем удачным решением. На самом деле, *derde* (польск. *derda*) — это старинная польская азартная игра для двух или трех игроков, в которой используется колода из 32 карт, от туза до семерки, сменная масть козырей, определяет, в том числе, и различное старшинство карт для козырной и прочих мастей, а также ведется весьма сложный подсчет очков [Derda]. Таким образом, учитывая необходимость высокой концентрации игроков, неудивительно, что пастухи были всецело поглощены именно этой игрой, пока «ангелица» Хася невольно провоцировала Шорабора на побег:

²⁰ ‘Кайзер погружается в раздумья: — *Йа, йа*: вот эти длинноволосые с галстуками вразлет и убили мою благочестивую супругу Элизабет’.

xx. «Di dray borvese pastukher hobn zikh geampert iber di kortn. Der hot gezogt azoy, der tsveyter azoy un der driter hot gedrungen kapoyer²¹) [Manger 1939: 159].

Кроме того, именно при такой постановке вопроса, на наш взгляд, становятся максимально явственными и некоторые второстепенные оттенки комизма сложившейся ситуации, в частности содержащиеся в ожидаемой пастухами реакции праведников на происшествие:

xxi. «Di dray borvese pastukher zenen geshtanen vi oysgepatshte. Vos veln zey entfernen az men vet zey nemen afn tsimbl? «Azoy hot ets gehit dem Shorabor, mamzeyrim?..» Un di tsadikim veln yedn eynem fun zey onshpayen a ful ponem un veln zayn gerekht. *A «derdl» hot zikh zey farglust...* (выделено нами; ср. явную издевку, проступающую в употребляемой автором форме «derdl», поданной, к тому же, как вкрапление из прямой речи персонажей, в кавычках, а также соответствующие оттенки семантики глагола farglusten zikh — ‘захотеться, вздуматься, взбрести в голову’, ср. укр. *заманутися*, англ. have a sudden whim to и проч. — А. 3.). Un in der tsayt, vos zey hobn geshpilt, iz geshen dos umglik» [Manger 1939: 167].

Иначе говоря, священный бык убегает в «гойский» рай не только из-за нерадивости *евреев*, занимающихся «*нееврейским*» делом, *ангеловкартежников*, но и *пастухов*, вздумавших поиграть в типично «*барскую*» игру (ср. неоднократное обыгрывание социальной проблематики в широком контексте романа). Ввиду этого, в качестве эквивалента авторского *derde* в русском переводе, на наш взгляд, уместнее было бы использовать название одной из азартных или т. н. «коммерческих» карточных игр, широко известных читателю из классической литературы, например, *вист*, *преферанс* и т. п., или же, с целью сохранения максимальной аутентичности упоминаемых автором реалий, перевести данную лексему описательно, подчеркнув лишь общий характер игры: «Трое пастухов стояли, как побитые собаки. Что-то они скажут, когда ответ держать придется? «Так вот как вы, ублюдки, Шорабора пасли?..» А праведники заплюют им всю рожу и сто раз правы будут. Им, извольте ли видеть, «в картишки перекинуться» («в преферансик сразиться») вздумалось — «банчишко», знаете ли, «заложить»... А пока они играли, тут такая беда стряслась!».

Последнюю категорию заимствований составляют выражения, являющиеся, на наш взгляд, скрытыми или явными кальками с различных славянских языков. При этом, впрочем, следует сделать оговорку, что как минимум в отдельных случаях этимология подобных словарных единиц

²¹ ‘Три босоногих пастуха спорили за картами. Один говорил так, другой этак, а третий настаивал на противоположном’.

вполне может быть явно или гипотетически неславянской, однако статус устоявшихся выражений и/или возросшую частотность употребления в качестве таковых они, надо полагать, приобрели уже в составе соответствующего славянского языка. С известной мерой условности выражения подобного типа можно рассматривать как относительно устойчивые «кочевые» лексико-синтаксические модели, общие для восточнославянских языков, польского языка, а также идиша и отчасти немецкого. Например:

xxii. «**Der shlak hot im gezolt trefn**, ot der Dimitriy roshe, s'ara gebrente tsores er hot dir ongeton²²» [Manger 1939: 225–226] (ср. нем. der Schlag soll jmdn. treffen, польск. niech (kogoś, coś) szlag trafi, а также диал. укр. *шляк би його трафив*);

xxiii. «Er hot mikh gehalzt, gekusht un geglet, / Un **mir tsugezogt goldene glikn**, / Er hot mikh gerufn “mayn kroyn”, “mayn gold” / Un geton mir tsum hartsn tsudrikn²³» [Manger 1939: 91] (несмотря на античное происхождение соответствующего выражения и, в связи с этим, ожидаемое общеевропейское распространение его «переводов», ср. нем. goldene Berge versprechen, русск. *сулить / обещать золотые горы* и проч., но англ. promise the moon, фр. promettre la lune и т. п.);

xxiv. «Mayn mame iz grod geven in kikh. Un ver veyst, tsi volt mir mayn tate nisht farforn in di tseyn arayn azoy, az ikh volt **derzen**, vi men zogt, “**Kroke mit Lemberik**”²⁴» [Manger 1939: 37] (ср. русск. *Москву увидеть*, встречающееся также и в разговорном украинском, — ‘ударившись головой или отведав кислого, «увидеть» характерные «огоньки» в глазах’, ср. *искры из глаз посыпались*; оба выражения, по-видимому, имеют общий мотивационный признак — огни некоего знакового большого города);

xxv. «Mume Yentl iz geven **royt, vi a borik**»²⁵ [Manger 1939: 69] (ср. укр. *почервоніти, мов буряк*, русск. *покраснеть, как свекла*, польск. *czerwony jak burak*, нем. *rot wie die Bete*) и проч.

Как явствует из вышеприведенных примеров, словоупотребление И. Мангера характеризуется рядом особенностей, которые недостаточно учтены в наличествующих лексикографических изданиях и могут представлять определенную сложность в плане адекватного их понимания

²² ‘Да чтоб его паралич разбил, этого Димитрия-злодея! Какие же ужасные мучения он тебе причинил!’

²³ ‘Он меня обнимал, целовал и гладил, / И обещал мне золотые горы, / Он называл меня своим золотом, своим сокровищем / И прижимал меня к сердцу’.

²⁴ ‘Мама как раз была на кухне. И кто знает, не заехал ли бы мне папа в зубы, да еще так, что я, как говорится, и Краков с Лембергом увидал бы’.

²⁵ ‘Тетя Йентл покраснела, как свекла’.

потенциальными читателями или переводчиками. Кроме того, в ряде случаев тексты писателя содержат отдельные слова или выражения, могущие с высокой степенью вероятности рассматриваться как региональные и требующие отдельного изучения. Совокупность подобных факторов указывает на необходимость продолжения исследовательской работы в данном направлении.

БИБЛИОГРАФИЯ

Берман Х. Авраам Карпинович: «Было, было когда-то Вильно» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.languages-study.com/yiddish/karpinovich.html>

Булгаков М. А. Мой дневник. 1923–1925 // Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 8: Жизнеописание в документах. СПб.: Азбука-классика, 2004.

Мангер И. Книга Рая. Удивительное жизнеописание Шмуэл-Абы Аберво [Электронный ресурс] / И. Булатовский, В. Дымшиц (пер.). СПб: Симпозиум, 2008. Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/kniga-рая-удивительное-жизнеописание-shmuel-aby-abervo-read-355671-1.html>

Derda [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://jzm.w.interiowo.pl/derda.html>

Guivaniuk N. Vyguky u bukovyns'kykh govirkakh [Interjections in Bukovinian patois] // Naukovyi visnyk Uzhgorods'kogo natsional'nogo universytetu. 2001. Vyp. 24. S. 100–106.

Manger I. Oysgeklibene shriftn / Sh. Rozhansky (red.). Buenos Aires: Ateneo Literario en el IWO, 1970.

Manger I. Di vunderlekhe lebnsbashraybung fun Shmuel Abe Averno (Dos buk fun Gan-Eydn). Varshe: Farlag Kh. Bzhoza, 1939.

Manger I. Der shnayder-gezeln Note Manger zingt fun der goldener pave [Digital resource]. Available at: <http://www.jewishfolksongs.com/en/shnayder-gezeln-Note-Manger-zingt>

BIBLIOGRAPHY

Berman, Kh. *Avraam Karpinovich: "Bylo, bylo kogda-to Vilno"* [Abraham Karpinovich: "Once there used to be Vilno"] [Digital resource]. Available at: <http://www.languages-study.com/yiddish/karpinovich.html>

Bulgakov, M. A. (2004) *Moi dnevnik. 1923–1925* [My diary. 1923–1925]. Bulgakov M. A. *Sobraniye sochineniy* [Selected works]: In 8 vol.

Vol. 8: Zhizneopisaniye v dokumentakh [A biography in documents]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika.

Manger, I. (2008) *Kniga Raya. Udivitel'noye zhizneopisaniye Shmuel-Aby Abervo* [The book of Paradise. The wonderful adventures of Shmuel-Aba Abervo] [Digital resource] Translated by I. Bulatovskii, V. Dymshits. Saint Petersburg, Symposium. Available at: <http://www.rulit.me/books/kniga-raya-udivitelnoe-zhizneopisaniye-shmuel-aby-abervo-read-355671-1.html>

Derda [Digital resource]. Available at: <http://jzm.w.interiowo.pl/derda.html>

Guivan'uk, N. (2001) Vyguky u bukovyns'kykh govirkakh [Interjections in Bukovinian patois]. *Naukovyi visnyk Uzhgorods'kogo natsional'nogo universytetu*. Vyp. 24. S. 100–106.

Manger, I. (1970) *Oysgeklibene shriftn* [Selected writings]. Ed. by Sh. Rozhansky. Buenos Aires: Ateneo Literario en el IWO.

Manger, I. (1939) *Di vunderlekhe lebnshraybung fun Shmuel Abe Abervo* (Dos bukh fun Gan-Eydn) [The wonderful adventures of Shmuel-Aba Abervo (The book of paradise)]. Varshe: Farlag Kh. Bzhoza.

Manger, I. *Der shnayder-gezeln Note Manger zingt fun der goldener pave* [Tailor-apprentice Note Manger sings about the golden peacock] [Digital resource]. Available at: <http://www.jewishfolksongs.com/en/shnayder-gezeln-Note-Manger-zingt>